

УДК 340

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

*Л.В. Сони́на – к.ю.н., доцент ЧОУ ВПО «Южно-Уральский институт
управления и экономики»
E-mail: lora_sonina@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются мифологические элементы в российских нормах права и правовых обычаях, анализируются общецивилизационные влияния в правовой культуре отдельных народов.

Ключевые слова: мифология в праве, правовые обычаи, правовая культура.

Среди всего многообразия форм взаимодействия права и мифологии как социокультурных феноменов следует выделить два основных проявления. Первое – это право в мифологии. Второе – мифология в праве [4, с. 2]. Право в мифологии – скорее продукт рефлексии общественного сознания, выраженный в мифологемах правового характера (пословицах, поговорках, сюжетах о праведном и неправедном суде и т. д.).

В качестве примера можно привести несколько юридических пословиц и поговорок, которые приводит в своей статье «Юридическая мудрость предков, или пословицы как способ заявить о правах» д.ю.н. Г. Лупарев, который, в частности, пишет: «Все юридические пословицы и поговорки так или иначе отражают правосознание людей – их отношение к закону, суду, власти» [2].

Несмотря на отдельные противоречия, вызванные временем их появления, изречения разных народов отличаются единством подхода к объекту осмысления и практически одинаковым его восприятием. В частности, ни один народ никогда не мечтал о социальном безвластии. Наоборот, в пословицах и поговорках высказывается необходимость управления страной, потребность в мудром и справедливом правителе, в честных и умелых начальниках на местах. Как отмечается в осетинской поговорке, «даже у птиц кто-то за старшего бывает».

Сходные мысли нашли отражение в корейской и киргизской пословицах: «Когда есть Вселенная – есть и солнце, когда есть народ – есть и государь», «Человек без спутников собьется с дороги, народ без вождя собьется с пути». При этом все народы проводят грань между хорошими и плохими правителями. Как гласит казахское изречение, «если царь тиран – народ разоряется, если царь умен – народ благоденствует». Сходна по смыслу с ним и каракалпакская мудрость, согласно которой «если предводитель глуп, то народ станет добычей грабителей» [2].

Мифология в праве распадается на два направления, требующих внимания исследователей. К первому относится комплекс отношений, связанных с архетипами, ко второму – собственно правовые мифы, т. е. конкретные построения, существующие в правовых отраслях, бытующие среди юристов.

Оба проявления относятся к корням, истокам жизни общества. А.Н. Афанасьев писал: «В незапамятной древности значение корней было осязательно, присуще сознанию народа, который со звуками родного языка связывал не отвлеченные мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления» [1, с. 6]. Однако если право в мифологии, а также правовые мифы – это сугубо рациональные построения, то архетипы, следуя традициям западноевропейской философской мысли, стоит отнести к коллективному бессознательному.

Как известно, термин «коллективное бессознательное» введен К.Г. Юнгом. Разделяя постулат родоначальника психоанализа З. Фрейда о том, что человека формирует не только его сознательное, но и скрытое, бессознательное, К. Юнг считал возможным распространить

данное утверждение на общество в целом. По его мнению, общество, как и отдельная личность, имеет сознательное «Я» (наука, средства информации, прочие проявления «чистого разума»), а также коллективное бессознательное.

К. Юнг утверждал, что в представлениях людей, идет ли речь о притче, мистическом учении или легенде, безотносительно к тому, когда эти представления возникли, можно найти общую основу. То же можно сказать и о сновидениях, фантазиях, бреде больных (сюжеты смерти, казни, подвигов, падений и многие другие). Человеческое общество постоянно повторяет одни и те же темы, возникшие в глубокой древности. Специфика в том, что образования эти принадлежат типу, не воплощающему свойства отдельного разума или бытия человека, но несущему в себе свойства всего человечества как некоего общего целого. Эти коллективные образования архаического характера, включающие как по форме, так и по содержанию мифологические мотивы, К. Юнг назвал архетипами [7, с. 217].

В чистом виде мифологические мотивы проявляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре. Некоторые из них хорошо известны: фигуры Героя, Освободителя, Дракона (всегда связанного с Героем, который должен победить его), Чудовища, которое проглатывает Героя. Развивая идею о коллективном бессознательном, отражающем опыт психической жизни всего человечества, К. Юнг находил архетипы не только в сказках и сновидениях, но и в развернутых идейных построениях.

Восприимчивость к коллективному бессознательному – признак, необходимый человеку, свойство, помогающее ему избежать участи жертвы естественного отбора. Американский социобиолог О.Э. Уилсон полагает, что коллективное бессознательное представляет собой эпифеноменальный продукт действия генов и существует потому, что обеспечивает достаточно эффективное совместное существование людей и их сотрудничество. Подобно тому как слепые или глухие хуже приспособлены к жизни в обществе (особенно в древнейшем), чем здоровые, так и люди, которых природа обделила, закрыв им доступ к коллективному бессознательному, имеют меньше шансов выжить и просуществовать (в частности, оставить потомство).

Конечно, большинство архетипов активно используются в мифотворчестве и постоянно подпитывают такие сферы культуры, как художественное творчество, право. Архетип легко выдерживает перенесение на научную, религиозную, законодательную почвы, потому всякий законодатель, имеющий своей целью не чисто декларативную фиксацию тех или иных идей, а выработку вполне конкретных правовых установок, ориентируется (сознательно или интуитивно) на конгломерат философских, религиозных, естественнонаучных представлений своего народа, да и всего человечества, на архетипы, лежащие в основе массового поведения.

Иллюстрацией к сказанному послужит демонстрация нескольких общекультурных мифологем, вплетенных в современную российскую правовую материю. Статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Статья 24 Конституции запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия.

Представляется, что эти и подобные нормы являются рецепированными положениями древнего обычного права, охранявшими имя человека, продукты его жизнедеятельности, личные вещи для предотвращения нанесения вреда. В свою очередь в древнее обычное право эти положения пришли из мифологии, где они были порождением так называемого «магического мышления» [3, с. 81].

Д. Фрэнгер в своей «Золотой ветви» доказывал, что древний человек полагал, будто связь между именем и лицом либо предметом и его названием вполне материальна, потому через имя магическое воздействие на индивида оказать так же легко, как через волосы, ногти и другие «телесные принадлежности», используемые в магии [3, с. 81].

Магическое воздействие, как известно, ничуть не безопаснее встречи с врагом: тот, чьим именем, волосом или кусочком ногтя завладел враг, подвергается не меньшей опасности, чем тот, в кого противник готовится метнуть копьё. В этой связи здравый смысл и генетическая память требуют не проявлять излишней беспечности и употреблять свое и чужие имена как можно реже.

Запрет на произнесение имени безотносительно к контексту, в котором оно употребляется, был продиктован заботой о человеке. Соблюдение этого запрета являлось такой же необходимостью, как теперь следование правилам техники безопасности. Запрет на произнесение чужих имен нашел логическое продолжение в современных нормах, закрепляющих право каждого на неприкосновенность частной жизни. Имя древнего человека было столь информативно насыщенным понятием, так много разных смыслов было заложено в нем, что оно вполне могло служить информацией о частной жизни лица.

Отношение людей к своим именам как к части самих себя можно проследить на этнографическом материале. «Североамериканский индеец относится к своему имени как к самостоятельной части тела и пребывает в уверенности, что от плохого обращения с именем происходит не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-либо органу.

Такого же мнения придерживаются многочисленные племена, занимающие пространство от Атлантического океана до Тихого океана. С этим обычаем связано множество правил по сокрытию или изменению имен. На старости лет многие эскимосы выбирают себе новое имя с тем, чтобы с его помощью обрести новые силы. Туземцы острова Толампу верят, что, записав имя человека, вы можете вместе с ним унести его душу» [5, с. 235]. Из этого же поверья проистекало и стойкое неприятие древними народами переписей населения: собрав имена, с их носителями могли делать все, что только заблагорассудится [6, с. 338–343].

В русском обществе как языческом, так и после принятия христианства сохранялась традиция давать ребенку два имени: одно – публичное, другое – тайное; а если оба имени были славянские и младенца окрестили, то у него появлялось третье – церковное, духовное.

Наверное, тот же страх породил подобный обычай у древних египтян, чья цивилизация высокого уровня сочеталась с чрезвычайно мифологизированным сознанием. Значительную мифологизированность общественного сознания можно объяснить тем, что египетский этнос возник на небольшой территории, следовательно, борьба за существование была весьма ожесточенной, выживал тот, кто обладал наибольшей восприимчивостью к мифу и способностью к мифотворчеству. У каждого египтянина было два имени: доброе (малое) имя было известно всем, истинное (большое) имя египтяне держали в глубокой тайне [5, с. 236].

В Индии ребенок из касты брахманов получал при рождении два имени: имя для повседневного обихода и имя тайное. Последнее должны были знать только его отец и мать. Тайное имя произносилось лишь при совершении обрядов. Обычай этот был направлен на защиту брахмана от магии: ведь чары становятся действенными только в сочетании с подлинным именем [5, с. 236].

Обычай умолчания существовал и в отношении имен покойников. К примеру, его соблюдали жители Восточного Закавказья (теперешнего Азербайджана). Обычай этот возник из боязни потревожить дух умершего, который в отместку может совершить множество злодеяний. Отвращение к произнесению имен покойных испытывало большинство индейских племен. У индейцев гоахиро (гуахиро) в Колумбии произнесение имени покойного при его родственниках считалось оскорблением в особо циничной форме, родственники могли убить преступника на месте.

Если же удавалось уладить дело без кровопролития, нарушитель запрета должен был заплатить крупный штраф (два быка и более). Как видим, ответственность за легкомысленное обращение с именем умершего даже была предусмотрена соответствующей нормой права. Европейские народы не придавали такого значения именам умерших, но часто верили в возможность вызова духа на месте погребения [5, с. 242].

В обычном праве многих народов существует норма, охраняющая неприкосновенность духа умершего. Эта норма вошла и в официальные законодательные акты. Так, в Уголовном кодексе РФ это ст. 244 – надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Причем есть одна особенность: общество более терпимо к государственным органам, проявляющим акты вандализма, чем к частным лицам – «одиноким вандалам». Это, видимо, объясняется не столько авторитетом властей и боязнью карательных мер, сколько возможностью переложения ответственности на безличную государственную машину, которая в силу этого может весьма свободно «закрывать и реконструировать» места погребения. Конечно, подобная практика обедняет историческую память.

Важный стимул человеческого поведения – неизбывное желание остаться в памяти будущих поколений, преодоление физической смерти. Человек заботится о прошлом, в том числе о чужом, поскольку потом сам станет его частью. Просвещенное государство должно помогать людям в этом, так как без ответственности за прошлое нет ответственности за настоящее, будущее, нет ответственности вообще. Наверное, пришло время говорить о таком конституционном праве, как праве на память, в том числе праве на память о прошлых поколениях.

Мифологические элементы можно найти и в нормах, предусматривающих ответственность за мародерство. Введение таких норм как в национальное, так и в международное законодательство было обусловлено не только моральными соображениями, но и традиционной заботой о войске. Предполагалось, что похищение с поля сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, может пагубно отразиться как на боеспособности отдельного солдата, так и на всей армии: мертвые не простят такого обращения с ними, вместе с живым врагом выступят оскорбленные тени убитых – своих и чужих, ведь мародеры берут и у тех, и у других. Перечисление можно продолжать, необходимо лишь отметить, что все примеры свидетельствуют о единых истоках как правовых, так и социокультурных построений.

Что касается собственно правовых мифов, то здесь необходимо отметить следующее: любой формализованный акт, относящийся к процессуальным действиям, по сути своей мифологичен. Использование таких процедурных элементов, как облачение судьи в мантию, удаление в совещательную комнату, или такой неперемный атрибут уголовного процесса, как скамья подсудимых являются элементами ритуала, закрепленного многовековой мировой практикой. Как всякий ритуал, он несет смысловую нагрузку из области мифологии [4, с. 26].

Использование в гражданском праве таких обязательных элементов, как передачи вещи из рук в руки, символизирующей переход прав на нее, подписания договора всеми сторонами для подтверждения его действительности и многие другие действия также несут мифологическую нагрузку. Все это свидетельствует о том, что право – это не только построение «чистого разума», оно имеет свои корни в древнейших общекультурных построениях, которые нас окружают.

Список литературы

1. Афанасьев, А.Н. Мифология Древней Руси / А.Н. Афанасьев. – М.: Эксмо, 2006. – 607 с.
2. Лупарев, Г. Юридическая мудрость предков или пословицы как способ заявить о правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apelcin.ru/view/65243-yuridicheskaya-mudrost-predkov-ili-poslovcy-kak-sposob-zayavit-o-pravah.html>.
3. Сони́на, Л.В. К вопросу об архетипичности отдельных прав человека / Л.В. Сони́на // Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека. Материалы международного семинара (17–18 апреля 1997 г.). – Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1998. – 257 с.

4. Сони́на, Л.В. Право и мифология / Л.В. Сони́на // Российский юридический журнал. – 2009. – №1. – С. 2, 23–27.
5. Фрэ́зер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрэ́зер. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 703 с.
6. Фрэ́зер, Д. Фольклор в Ветхом Завете / Д. Фрэ́зер. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – 512 с.
7. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М., 1996. – 254 с.

MYTHOLOGICAL ELEMENTS IN THE RUSSIAN LAW

*L.V. Sonina – Cand. Sc. (Jur.), associate professor of
"South Ural Institute Management and Economics "
E-mail: lora_sonina@mail.ru*

Abstract

The article deals with the mythological elements in the Russian rule of law and legal traditions, analyzes civilizational influence in the legal culture of individual peoples.

Keywords: *mythology in law, legal traditions, legal culture.*

References

1. Afanasyev, AN Mythology of Ancient Rus / AN Afanasyev. - M.: Penguin Books, 2006. – 607 p.
2. Luparev, G. Legal wisdom of the ancestors or proverbs as a way to acknowledge the rights [electronic resource]. - Mode of access: <http://apelcin.ru/view/65243-yuridicheskaya-mudrost-predkov-ili-posloviy-kak-sposob-zayavit-o-pravax.html>.
3. Sonin, LV On the archetypal individual rights / L. Sonin // Russian Federation to the Council of Europe: problems of application of the rules on the protection of human rights. Proceedings of the International Workshop (17-18 April 1997). - Ekaterinburg: Publishing UrGYuA, 1998. – 257 p.
4. Sonin, LV Law and mythology / LV Sonin // Russian Law Journal. - 2009. - № 1. - P. 2, 23-27.
5. Frazer, The Golden Bough D. / D. Fraser. - M.: Publishing Political Literature, 1984. - 703 p.
6. Fraser, D. Folklore in the Old Testament / D. Fraser. - M.: Publishing Political Literature, 1985. – 512 p.
7. Jung, C. Psychological Types / Jung. - M., 1996. – 254 p.